КЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ О ФОТІѢ,

ПАТРІАРХѢ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОМЪ,

ПО ПОВОДУ СОВЕРШИВШАГОСЯ ТЫСЯЧЕЛѢТІЯ

СО ВРЕМЕНИ КОНЧИНЫ ЕГО.

РѢЧЬ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

12-го января 1892 года

Ординарнымъ Профессоромъ Церковной Исторіи,

ПРОТОІЕРЕЕМЪ

А. М. Иванцовымъ-Платоновымъ.

МОСКВА.

Университетская типогр., Страстной бульв.

1892.

КЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ О ФОТІѢ,

ПАТРІАРХѢ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОМЪ,

ПО ПОВОДУ СОВЕРШИВШАГОСЯ ТЫСЯЧЕЛѢТІЯ

СО ВРЕМЕНИ КОНЧИНЫ ЕГО.

РѢЧЬ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

12-го января 1892 года

Ординарнымъ Профессоромъ Церковной Исторіи,

ПРОТОІЕРЕЕМЪ

А. М. Иванцовымъ-Платоновымъ.

ВХ
395

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

792
66

Къ изслѣдованіямъ о Фотіѣ, патріархѣ Константинопольскомъ, по поводу совершившагося тысячелѣтія со времени кончины его.

«Φώτιος-τὸ μέγα ὄνομα».

Слова новогреческаго писателя Константина Икономоса въ сборникѣ новогреческаго же писателя Валетты. «Φωτίου Ἐπιστολαί». *London. 1864.* Προλεγόμενα, σελ. 108.

«Ὁ Φώτιος ἔσωσε τὴν Ὀρθοδοξίαν καί τό ἔθνος ἐκ τῆς προκειμένης ἀβύσσου».

Слова Христофора Зампелія—въ томъ же сборникѣ Валетты, σελ. 112.

«Benedictus Deus, quod optima fama sanctissimi Photii patriarchae non solum in nostram regionem, sed etiam in universam orbem pervenit, non tantum sermonibus confirmata, quantum factis attigit fines terrae...; idque testantur non ii solum, qui linguam graecam profitentur, sed ipsum etiam barbaricum et agreste genus, non esse similem ei sapientia et scientia, neque commiseratione ac largitione in pauperes, neque benignitate et humilitate, et quod semper facta ejus plura sunt, quam dicuntur».

Слова римскихъ легатовъ на константинопольскомъ соборѣ, державномъ Фотіемъ въ 879—880 г. Harduini Acta Conciliorum. Tomus VI, Pars 1, pag. 339.

«In ihm (Photius) mehr, als eine einzelne Persönlichkeit, eine ganze Nationalität, ein Princip, eine Idee, wie in wenigen Anderen, vertreten ist... Es ist begabteste und füchtigste Repräsentant einer Geistes— und—Lebensrichtung, die lange vor ihm in oströmishen Reiche die höhern und die niederen Schichten durchdrang, die in ihm bereits kulminirte und seitdem nur immermehr sich befestigt, unter steigendem äusseren Elend in weit grösseren Dimensionen sich ausgebreitet hat».

Слова замьчательньйшаго изъ западныхъ писателей о Фотіѣ—професссора (потомъ кардинала) Гергенретера въ изслѣдованіи его „Photius Patriarch von Constantinopel". Regensburg. 1867—1869. Vorwort, s. III—IV.

«Первая страница русской исторіи, и самая достовѣрная, была написана знаменитымъ цареградскимъ патріархомъ Фотіемъ въ его окружной грамотѣ къ восточнымъ святителямъ, гдѣ строгая и точная правда каждаго слова служила ручательствомъ святой истины дѣла... Патріархъ Фотій справедливо считается свѣтиломъ учености и образованности... Во все продолженіе существованія греческаго царства, отъ Юстиніана до паденія Византіи, никто не принесъ столько услугъ наукамъ, какъ патріархъ Фотій. При немъ положено начало и славянской образованности въ переводѣ священныхъ книгъ на славянскій языкъ. Славянскій первоучитель—св. Кириллъ былъ ученикомъ Фотія».

Слова русскаго историка И. Е. Забѣлина въ его «Исторіи русской жизни» Москва 1879 г. ч. II, стр. 1—2.

«Пока живъ въ человѣчествѣ научный интересъ, пока не угасло любопытство и стремленье къ самопознанію,—имя Фотія будетъ безсмертно потому, что въ его богословскихъ и философскихъ сочиненіяхъ нашли себѣ завершеніе классическія традиціи, и въ первый разъ выраженъ культурный идеалъ новаго періода византійскаго. Пока раздается на югѣ и востокѣ Европы славянская рѣчь, имени Фотія не суждено умереть между нами, ибо по его почину мы пользуемся благами культуры и церковной свободы».

Изъ рѣчи профессора Ѳ. И. Успенскаго, сказанной въ публичномъ засѣданіи Одесскаго историко-филологическаго общества 6 февраля 1891 г. и напечатанной въ журналѣ «Помощь самообразованію». Саратовъ 1891 г. № 3.

«Фотій—нашъ первый историкъ, первый витія, первый другъ... Вѣчная память сему боголюбезнѣйшему святителю, сказавшему первое справедливое слово о Россахъ и положившему начало обращенію ихъ къ Христу Спасителю. Вѣчная память! Αἰωνία ἡ μνήμη».

Слова преосвященнаго Порфирія Успенскаго (доктора еллинской словесности) въ его статьѣ «Тысячелѣтіе первой славы россійскаго государства»—Духовная Бесѣда. 1864 г. № 20, стр. 51.

Я предложу высокопросвѣщенному собранію рѣчь о великомъ святителѣ, тысячелѣтняя память котораго была скромно, даже слишкомъ скромно, воспоминаема на православномъ востокѣ—въ греческой и русской церквахъ 6 февраля прошлаго 1891 года. Я буду говорить о константинопольскомъ

патріархѣ Фотіѣ, котораго восточные христіане чтутъ, какъ охранителя древняго православія отъ искаженій средневѣковаго латинства и защитника самостоятельности восточной церкви отъ притязаній папства,—котораго въ частности православные греки считаютъ величайшимъ представителемъ своего національнаго генія въ средніе вѣка, а мы русскіе ведемъ отъ него начало нашей исторіи, и вмѣстѣ съ другими славянскими православными племенами почитаемъ его начало—вождемъ христіанскаго просвѣщенія нашего.

Я не буду раскрывать послѣдовательно исторію жизни патріарха Фотія, ни вдаваться подробно въ разсмотрѣніе историческаго значенія его личности и дѣятельности. Это—задача слишкомъ широкая и сложная; можетъ быть, она была бы и не въ мѣру нашимъ слабѣющимъ силамъ, и во всякомъ случаѣ не соотвѣтствовала бы тѣмъ предѣламъ времени и другимъ условіямъ, какими мы здѣсь можемъ пользоваться. Притомъ, какъ это ни можетъ показаться страннымъ, но на самомъ дѣлѣ такъ: хотя со времени кончины патріарха Фотія протекла уже тысяча лѣтъ, но для твердыхъ сужденій о немъ и теперь еще не приспѣло время. Для исторіи Фотія имѣется громадная масса матеріала, но этотъ матеріалъ до крайности затемненъ и перепутанъ; о Фотіѣ писано множество изслѣдованій, но самая почва въ этихъ изслѣдованіяхъ остается еще слишкомъ зыбкою, засоренною разными предубѣжденіями и искаженіями; пріемы для изслѣдованія самые тенденціозные и искусственные; потому и въ выводахъ крайній произволъ и противорѣчія. При такомъ положеніи дѣла наиболѣе твердою задачей науки относительно Фотія, по нашему убѣжденію, остается—получше разобраться въ матеріалѣ, освѣтить поле для правильнаго изслѣдованія, по возможности—расчистить почву отъ предубѣжденій и искаженій, установить твердые научные пріемы изслѣдованія или, по крайней мѣрѣ, устранить ложные, искусственные, путающіе дѣло. Вотъ эту то задачу мы и постараемся имѣть въ виду, насколько то поз-

волятъ наши силы, знанія и всякія внѣшнія условія, въ настоящей рѣчи и предположенныхъ къ ней приложеніяхъ *.

Прежде всего нужно разобрать первоначальные источники для исторіи Фотія, оцѣнить ихъ историческое значеніе и выяснить взаимныя отношенія между ними. Это требуется во всякомъ серьезномъ историческомъ трудѣ и въ особенности въ изслѣдованіи исторіи Фотія: такъ какъ здѣсь дѣло представляется искаженнымъ и запутаннымъ въ самыхъ источникахъ. Между тѣмъ въ западныхъ литературахъ этотъ вопросъ иными изслѣдователями какъ-будто намѣренно устраняется и затемняется, а другими возбуждается, но оставляется нерѣшеннымъ; у восточныхъ же писателей — греческихъ и русскихъ—есть довольно смѣлыя и твердыя попытки постановки этого вопроса, но неполныя, не доведенныя до конца **.

---

* Вслѣдствіе особенныхъ условій, въ виду которыхъ приходится намъ составлять свое изслѣдованіе о Фотіѣ, мы находимся въ необходимости дать ему своеобразную форму. Чтобы не обременять вниманія слушателей при устномъ произнесеніи рѣчи, мы въ текстъ ея вносимъ лишь самыя общія положенія, краткій абрисъ того содержанія, какое предполагаемъ раскрыть въ изслѣдованіи; разъясненіе же подробностей, разсмотрѣніе отдѣльныхъ вопросовъ напечатаемъ послѣ въ отдѣльныхъ примѣчаніяхъ къ рѣчи. Тамъ читатели найдутъ всѣ необходимыя ссылки, цитаты, подтвержденія, разъясненія на положенія, высказываемыя въ рѣчи. Тамъ мы постараемся дать посильное разсмотрѣніе самыхъ запутанныхъ вопросовъ Фотіевой исторіи, которые въ отдѣльности стоятъ цѣлыхъ большихъ изслѣдованій.

** Опыты критическаго отношенія къ источникамъ Фотіевой исторіи въ русской литературѣ можно находить преимущественно въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: 1) А. Н. Муравьева «Правда Вселенской Церкви». СПБ. 1841 г. стр. 122—184. Это первое обстоятельное изложеніе исторіи Фотія въ русской литературѣ, не совсѣмъ полное и составленное при пособіи иностранныхъ изслѣдованій, но по критическому отношенію къ источникамъ оставляющее за собою большую часть западныхъ сочиненій объ этомъ предметѣ. 2) Филарета, архіепископа черниговскаго «Историческое ученіе объ отцахъ Церкви». СПБ. 1859 г. Т. III. §§ 281—286. Здѣсь на 27 страницахъ самаго сжатаго изложенія разсѣяно много краткихъ отрывочныхъ, но весьма мѣткихъ и цѣнныхъ (къ сожалѣнію, плохо прокорректирован-

Изложеніе Фотіевой исторіи не только у западныхъ писателей—католическихъ и протестантскихъ, но въ значительной

ныхъ) замѣчаній относительно источниковъ и самыхъ фактовъ Фотіевой исторіи. 3) Харьковскаго профессора Зернина «Очеркъ жизни константинопольскаго патріарха Фотія», изслѣдованіе, напечатанное въ Чтеніяхъ императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, издав. при московскомъ университетѣ 1858 г. кн. III, потомъ вышедшее и отдѣльною брошюрой; составлено самостоятельно по первоначальнымъ источникамъ (только не всѣ они приняты во вниманіе авторомъ) и съ критикою, хотя и не глубокою. 4) Проф. Лавровскаго «Кириллъ и Меѳодій, православные проповѣдники у западныхъ славянъ—въ связи съ современною имъ исторіею церковныхъ разногласій между востокомъ и западомъ». Харьковъ. 1863. Авторъ лишь по соприкосновенію съ главнымъ предметомъ изслѣдованія касается исторіи Фотія и его отношеній къ римской церкви, но взятыя имъ стороны предмета разсматриваются весьма основательно, и при этомъ высказывается нѣсколько мѣткихъ замѣчаній относительно нѣкоторыхъ источниковъ Фотіевой исторіи. Подобное же нужно сказать и о другомъ, болѣе позднемъ сочиненіи, касающемся того же предмета: М. И. Соколова «Изъ древней исторіи болгаръ». СПБ. 1879 г. 5) Іеромонаха Герасима Яреда (нынѣ митрополита селевкійскаго) «Отзывы о св. Фотіѣ, патріархѣ коастантинопольскомъ, его современниковъ—въ связи съ исторіею политическихъ партій въ византійсккой имперіи» въ Христіанскомъ Чтеніи 1872 и 1873 г.; издано было и отдѣльною книгой, но, вѣроятно, въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ. Здѣсь представляется самое основательное сравнительно со всѣми другими послѣдованіями о Фотіѣ, являвшимися и въ русской и въ иностранныхъ литературахъ, обозрѣніе источниковъ для исторіи Фотія; но и здѣсь разсмотрѣны не всѣ источники и не совсѣмъ въ ясномъ порядкѣ. 6) Проф. москов. академіи А. П. Лебедева. Онъ касался исторіи Фотія въ четырехъ сочиненіяхъ: а) римскіе папы въ ихъ отношеніяхъ къ церкви византійской въ IX—XI вв. Москва. 1875 г. б) Церковь римская и византійская въ ихъ взаимныхъ догматическихъ и обрядовыхъ спорахъ въ IX—XI вѣкахъ. Москва 1875 г. в) Очерки внутренней исторіи византійской восточной церкви въ IX — XI вв. Москва. 1878 года г) Исторія константинопольскихъ соборовъ IX вѣка. Москва 1888 г. Предварительно эти изслѣдованія печатались въ духовныхъ журналахъ: первыя три въ Чтеніяхъ общества любителей духовнаго просвѣщенія, въ семидесятыхъ годахъ; послѣднее въ Душеполезномъ Чтеніи 1887 г. Для критики источниковъ Фотіевой исторіи имѣютъ болѣе значенія первое и послѣднее изъ означенныхъ сочиненій. Изъ сочиненій о Фотіѣ, напечатанныхъ по поводу празднованія его тысячелѣтняго юбилея въ прошломъ

степени и у нашихъ православныхъ, представляетъ ту особенность, что въ основаніе ея полагаются свѣдѣнія и сужде-

---

году, помимо многихъ рѣчей, произнесенныхъ въ разныхъ торжественныхъ собраніяхъ, можно назвать два серьезныхъ изслѣдованія: а) Харьковскаго профессора И. В. Платонова «Патріархъ Фотій» Москва. 1891 г. и священника В. Х. Преображенскаго рядъ статей подъ тѣмъ же заглавіемъ напечатанныхъ въ журналѣ Странникъ 1891. Эти изслѣдованія не далеко вдаются въ критику источниковъ исторіи Фотія, и въ первомъ изъ нихъ довольно много ошибокъ, описокъ и опечатокъ: но въ нихъ хорошо раскрываются положительныя стороны Фотіевой исторіи. Еще довольно складно излагается эта исторія въ статьяхъ г. Ѳ. Стукова въ Православномъ Собесѣдникѣ 1891 г.; но здѣсь встрѣчаются странныя ошибки и сомнительное отношеніе къ источникамъ.

Въ новогреческой литературѣ при критикѣ источниковъ и разработкѣ исторіи Фотія, особенно нужно обратить вниманіе на слѣдующія изданія: 1) Сборникъ, составленный іерусалимскимъ патріархомъ Досиѳеемъ, и изданный епископомъ рымникскимъ въ Румыніи Анѳимомъ «Τόμος, χαρᾶς, ἐν ᾧ περιέχονται αἱ ἐπιστολαὶ Φοτίου, τοῦ ἁγιωτάτου Πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως; ἡ ἁγία καὶ οἰκουμηνικὴ ὀγδόη Συνόδος, σημειώσεις τινὲς εἰς ταύτην τὴν ἁγίαν Συνόδον..., τυπωθεὶς ἐν τῇ ἐπισκοπῇ Ῥημνίκου... ἐν ἔτει ᾳψέ». Это очень рѣдкое изданіе, о которомъ самые замѣчательные на западѣ собиратели церковныхъ памятниковъ говорятъ, что они не могли достать его никакими усиліями и ни за какія деньги (Migne Patrologiae cursus. Series graeca. T. 101 Praefatio, pag. VIII), существуетъ, вѣроятно, не въ одной русской библіотекѣ. Мы просматривали его по экземпляру, поступившему отъ ростовскаго архіепископа Арсенія Мадѣевича въ библіотеку московской духовной академіи. 2) Сочиненіе о происхожденіи и причинахъ раздѣленія церквей, писанное въ началѣ прошлаго столѣтія Кефалонійскимъ епископомъ Ильею Минятіемъ подъ заглавіемъ «Камень соблазна (Πέτρα σκανδάλου). Существуетъ въ двухъ русскихъ переводахъ: Писарева. СПБ. 1783 г. и Ловягина. 1854. Здѣсь впрочемъ еще очень слабые зачатки критики источниковъ и фактовъ Фотіевой исторіи. 3) Ильи Тиндалида. Παπιστικῶν ἐλέγχων Τομος Α. Это сборникъ наиболѣе замѣчательныхъ полемическихъ сочиненій противъ латинства, имѣющихся въ новогреческой литературѣ, оригинальныхъ и переводныхъ. Начало изданія въ 1850 г.; мы видѣли изданными три тома. Въ началѣ 1-го тома предисловіе, въ которомъ довольно по исторіи Фотія 4). Софокла Икономоса «Τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Φοτίου Πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως Ἀμφιλόχια. Ἀθήνησι. ΑΘΝΗ. (1858 г.). Это изданіе посвящено русскому императору Александру Николаевичу, «державнѣйшему охрани-

нія лицъ, явно пристрастныхъ и прямо враждебныхъ къ Фотію. Научно ли это, справедливо ли это?

телю православія». Προλεγόμενα содержатъ подробное обозрѣніе западной литературы о Фотіѣ, съ критическимъ изложеніемъ памятниковъ и главныхъ фактовъ Фотіевой исторіи. 5) Іоанна Валетты «Φωτίου τοῦ σοφωτάτου καὶ ἁγιωτάτου πατριάρχου Κωνσταντινωπόλεως Ἐπιστολαί.., London. 1864. Это лучшее изданіе писемъ Фотія съ основательнымъ изложеніемъ его біографіи (въ пролегоменахъ), и съ приложеніемъ въ концѣ двухъ краткихъ сочиненій, важныхъ для исторіи и полемики съ латинствомъ... У новыхъ греческихъ писателей есть еще указанія на изслѣдованія о Фотіѣ А. Δημητρακοπούλου (Λείψιᾳ 1867), и Ζάνου (Κωνσταντινουπόλει. 1884); но первое не имѣетъ большаго значенія, а послѣдняго мы не видѣли.

Западная литература представляетъ великое множество изслѣдованій о Фотіѣ (аббатъ Минь, приступая къ изданію сочиненій Фотія еще въ 1860 г. заявлялъ, что такія изслѣдованія едва возможно и перечислить (Patrologiae T. 101, Ploleg X). Но въ этомъ множествѣ изслѣдованій очень немного такихъ, которыя вдаются въ основательную и безпристрастную критику источниковъ. Какъ на болѣе заслуживающія вниманія въ этомъ отношеніи, нужно указать на слѣдующія: Якова Баснажа замѣчанія на Баронія и Маймбурга. Histoire de l'Eglise. T. I. стр. 324 и далѣе; также Lectiones Canisii. T. II. Pars II. стр. 375; Флери Histoire de l'Eglise Livre L—LIII; особенно съ примѣчаніями нѣмецкаго переводчика. Frankfurt und Leipsig. 1711. T. VII; Kave Historia litteraria. Saecul. XI. Geneve. 1720; Казиміра Удина Commentarius de scriptoribus ecclesiasticis Lipsiae 1722. T. I. pag. 201—217; Монтакуція предисловіе и примѣчанія къ изданію писемъ Фотія. London. 1651 г. Ганкія De scriptoribus rerum bysantinarum. Lipsiae, 1677, Pars I, Cap. 18; (здѣсь наиболѣе осторожное и безпристрастное сопоставленіе источниковъ Фотіевой исторіи — только опять не всѣхъ,—въ западной литературѣ): Гейнекція — Abbildung der griechischen Kirche. Leipzig. 1711. Th. I. c. III § 17, IV, § 2—3; Фабриція Bibliotheca graeca. Editio Garles — Hamburg. 1809. Volum X, XI, XII; Фонтаны Novae Deliciae eruditorum. Weuetiis. 1785 г. T. I. (Намъ не удалось видѣть этого изданія; знаемъ его только по ссылкамъ Гарлеса-Фабриція, Филарета Черниговскаго, Соф. Икономоса, Валетты, Гергенретера, Даніэля; изданно въ концѣ прошлаго вѣка, оно уже къ половинѣ нынѣшняго сдѣлалось большою рѣдкостью; Соф. Икономосъ думаетъ, что экземпляры его были собираемы іезуитами для сожженія; судя потому, съ какимъ озлобленіемъ отзываются о немъ даже и умѣренные паписты—Migne Patrologia graeca Cl. Praefatio IX, можно думать, что оно очень значительно. Церковныя исторіи Шрекка. Неандера, Куртца, Гфререра, Гергенретера

До насъ сохранилось довольно свѣдѣній о патріархѣ Фотіѣ отъ его соотечественниковъ—византійскихъ грековъ, современныхъ ему, или жившихъ въ близкое къ нему время, но проникнутыхъ крайне враждебнымъ отношеніемъ къ нему и старавшихся всячески чернить его. Это—или лица, принадлежавшія къ оппозиціонной Фотію церковно-іерархической партіи въ Константинополѣ и ведшія съ нимъ фанатическую борьбу въ теченіе многихъ лѣтъ, — или лица, писавшія въ угоду тогдашнему византійскому правительству македонской династіи, которое имѣло свои причины превратно представлять

въ соотвѣтствующихъ частяхъ и отдѣлахъ; Исторія Соборовъ Гефеле — Consiliengeschichte. Freiburg. B. IV; Damberger — Synchron: Geschichte d. Kirche und der Welt. Regensburg. 1850. Bd. III, Kritikheft 2. Спеціальныя изслѣдованія о Фотіѣ и раздѣленіи церквей: Пихлера Geschichte der Kirchentrennung, München, 1864, T. I, 180—203; Гергенретера Photius Patriarch von Constantinopol, T. I—III, Regensburg, 1867—1869 г. (самое большое и самое ученое, болѣе двѣнадцати лѣтъ подготовлявшееся, но далеко не безпристрастное, изслѣдованіе о Фотіѣ); статьи о Фотіѣ въ большихъ нѣмецкихъ энциклопедіяхъ Ерша и Грубера (хорошая статья Даніэля въ XXV T. h.) и у Герцога (статья Гасса, знатока византійской средневѣковой письменности, но съ значительными ошибками и не правильными сужденіями), въ англійскомъ біографическомъ словарѣ Смита и т. д. Wladimir Guettée Histoire de l'Eglise T. VI, chap. 4. Paris 1889; переведено на русскій языкъ въ журналѣ «Вѣра и Разумъ», 1888—1889 гг. Это сочиненіе и другія того же автора «la papauté heretique, la papauté schismatique»—занимаютъ особенное положеніе въ западной литературѣ. Авторъ—бывшій католическій священникъ, обратившійся въ православіе въ шестидесятыхъ годахъ, докторъ православнаго богословія, неутомимый писатель, издавшій болѣе тридцати томовъ сочиненій по церковной исторіи. Въ нихъ несомнѣнно высказывается большая ученость и горячая ревность о православіи, но не всегда спокойное и строго уравновѣшенное отношеніе къ предмету.

Другія сочиненія о Фотіѣ, менѣе имѣющія значенія для критики источниковъ, мы будемъ указывать, гдѣ нужно, въ дальнѣйшихъ примѣчаніяхъ; а въ концѣ изслѣдованія представимъ по возможности цѣльный очеркъ литературы о Фотіѣ, съ обозначеніемъ наиболѣе значительныхъ фазъ въ ея развитіи и различныхъ въ ней направленій.

Другія примѣчанія къ Рѣчи будутъ напечатаны въ отдѣльномъ изданіи ея.

нѣкоторые факты Фотіевой исторіи, или просто фанатики и обскуранты, не могшіе сочувствовать просвѣщеннымъ взглядамъ и стремленіямъ Фотія, или лица, проникнутыя папистическими тенденціями, первымъ и самымъ сильнымъ противникомъ которыхъ является въ исторіи патріархъ Фотій — величайшее преступленіе, котораго, по мнѣнію папистовъ, не могутъ покрыть никакія знанія, никакія добродѣтели, никакое благочестіе. Большею частію всѣ эти черты сливаются и отражаются у писателей, враждебныхъ Фотію, — только у иныхъ преобладаютъ однѣ, у другихъ другія.

Къ первой категоріи біографовъ Фотія принадлежатъ три писателя, не только примыкавшіе къ враждебной Фотію церковно-іерархической партіи, но стоявшіе во главѣ ея, и въ теченіе многихъ лѣтъ руководившіе борьбою этой партіи противъ Фотія. 1) Ѳеогностъ, архимандритъ изъ студійскаго монастыря, по низложеніи предшественника Фотіева патріарха Игнатія и возведеніи на его престолъ Фотія, бѣжавшій въ Римъ, и тамъ въ 862 году представившій отъ имени Игнатія и его приверженцевъ доносъ на Фотія въ неправильномъ будто бы захватѣ патріаршаго престола и въ преслѣдованіяхъ, воздвигнутыхъ на Игнатія и приверженцевъ его, не хотѣвшихъ подчиниться новому патріарху. Этотъ доносъ принимается, какъ первый источникъ свѣдѣній о начальныхъ годахъ патріаршества Фотіева. 2) Митрофанъ, митрополитъ смирнскій, одинъ изъ главныхъ вождей оппозиціонной Фотію партіи, едва ли не мечтавшій самъ по низложеніи Игнатія быть на мѣстѣ, занятомъ Фотіемъ; потомъ выступившій противъ него однимъ изъ выдающихся обвинителей и судей на константинопольскомъ соборѣ 869 года, на которомъ, какъ извѣстно, положены были Фотію порицанія и проклятія, изумляющія своимъ фанатизмомъ и кощунствомъ. Его письмо какому то патрицію Мануилу, спрашивавшему Митрофана о причинахъ низложенія Фотія на соборѣ 869 года, письмо, представленное потомъ въ Римъ вмѣстѣ съ актами означеннаго собора, представляетъ, съ своей конечно точки зрѣнія,

факты вступленія Фотія на престолъ и его перваго управленія константинопольскою церковью. 3) Стиліанъ, митрополитъ неокесарійскій. Это—самый закоснѣлый изъ враговъ Фотія, вмѣстѣ съ Митрофаномъ выступившій противъ него при самомъ вступленіи Фотія на патріаршій престолъ въ 858 году, и ведшій съ нимъ ожесточенную борьбу до вторичнаго удаленія Фотія отъ патріаршества въ 886 году. По удаленіи Фотія императоромъ Львомъ, Стиліанъ, какъ глава враждебной Фотію партіи, явился по порученію императора посредникомъ къ возстановленію сношеній съ римскою церковію, прервавшихся при Фотіѣ, цѣною опозоренія памяти Фотія,—и его письмо, писанное по этому поводу къ папѣ Стефану и наполненное самыми изувѣрными инсинуаціями противъ Фотія, принимается по преимуществу, какъ источникъ свѣдѣній для исторіи Фотія послѣ 869 года.

Стоитъ между прочимъ обратить вниманіе и на то, что всѣ три означенныя писанія предназначались главнымъ образомъ для Рима, и поэтому должны были приспособляться къ воззрѣніямъ и тенденціямъ, распространявшимся тогда въ Римѣ. И дѣйствительно, всѣ они, особенно донесеніе Θеогноста и письмо Стиліана, до такой степени наполнены папистическими воззрѣніями и даже выраженіями, что ихъ нельзя принять не только за выраженіе воззрѣній всей восточной церкви, но даже и той партіи въ ней, отъ имени которой они представлялись въ Римъ.

За главными вождями анти-Фотіевой партіи слѣдуютъ ихъ ученики, проникнутые тѣми же воззрѣніями, воспитавшіеся въ духѣ того же фанатизма, и даже иногда превосходящіе въ немъ своихъ учителей. Отъ нихъ осталось намъ также нѣсколько сказаній о Фотіѣ. Самое выдающееся изъ нихъ—повѣствованіе Никиты Паθлогонянина, совмѣщающее показанія Θеогноста, Митрофана и Стиліана, съ нѣкоторыми уклоненіями отъ нихъ и съ присоединеніемъ множества странныхъ вымысловъ и басней, заимствованныхъ, вѣроятно, изъ разсказовъ невѣжественной толпы, а можетъ быть и намѣренно

сочиненныхъ въ той средѣ, въ которой воспитался авторъ. Къ особенностямъ его разсказа сравнительно съ предшествовавшими принадлежитъ еще то, что авторъ принадежалъ къ той школѣ средневѣковыхъ византійскихъ агіологовъ — легендаристовъ, которая не знала мѣры ни въ похвалахъ, ни въ порицаніяхъ описываемымъ лицамъ, и у которой основнымъ пріемомъ повѣствованія было употребленіе антитезы т.-е. восхваленіе чтимыхъ личностей чрезъ униженіе и опозореніе другихъ, имъ противопоставляемыхъ. Такой именно пріемъ примѣняется Никитою къ личностямъ патріарховъ Игнатія и Фотія. Никита собственно желаетъ восхвалить жизнь и подвиги блаженнаго Игнатія, и восхваляетъ ихъ иногда довольно неумѣло. Но, главнымъ образомъ, повѣствованіе Никиты относится не къ Игнатію, а къ Фотію, котораго Никита старается представить и честолюбцемъ, и интриганомъ, и деспотомъ, и человѣкомъ, способнымъ на всевозможные обманы и преступленія, хотя при этомъ онъ же невольно проговаривается, что Фотій былъ человѣкомъ, обладавшимъ очень большими достоинствами и заслугами. Повѣствованіе Никиты написано живо и красно, по крайней мѣрѣ—въ риторическомъ смыслѣ, съ видимою прямотою и искренностью, хотя и находится въ немъ не мало слѣдовъ намѣреннаго извращенія фактовъ.

За Никитою ближайшимъ образомъ слѣдуютъ авторъ другаго сокращеннаго панегирика патріарху Игнатію — монахъ Михаилъ и излагатель жизнеописанія находившагося во враждѣ съ Фотіемъ игумена студійскаго Николая. Сюда же, а отчасти къ Стиліану примыкаютъ авторы двухъ безымянныхъ пасквилей на Фотія, изъ которыхъ одинъ писанъ былъ послѣ того, какъ Фотій на соборѣ 879 года успѣлъ возстановить церковное общеніе и съ римскимъ папою Іоанномъ VIII и съ большею частію игнатіевыхъ приверженцевъ, а другой уже послѣ смерти Фотія. Эти пасквили въ изложеніи фактовъ всего болѣе держатся на почвѣ Стиліанова повѣствованія съ тою лишь разницей, что авторъ, перваго пасквиля

даже и римскую церковь къ лицѣ папы Іоанна VIII упрекаетъ за вѣроломно-снисходительное отношеніе къ Фотію, а второй порицаетъ за такое же снисхожденіе къ партіи Фотія и самаго Стиліана.

Другую группу писателей также (хотя и въ меньшей степени) неблагопріятно относящихся къ Фотію представляютъ византійскіе государственные историки, описывавшіе царствованія императоровъ македонской династіи. Во главѣ ихъ стоитъ порфиродный лѣтописецъ Константинъ, внукъ Василія Македонскаго, послѣ Фотія едва ли не самый ученѣйшій писатель той эпохи. Онъ желалъ воздвигнуть памятникъ дѣду и родоначальнику своей династіи: поэтому понятно, что составленная имъ біографія Василія Македонскаго представляетъ собственно панегирикъ, въ которомъ тенденціозно выставляются на первый планъ всѣ свѣтлыя и оставляются въ тѣни или и совсѣмъ обходятся молчаніемъ темныя стороны личнаго характера и царствованія перваго государя македонской династіи, ознаменовавшаго себя и славными дѣяніями и позорнѣйшими преступленіями. О патріархѣ Фотіѣ, помимо обстоятельствъ перваго возведенія его на патріаршій престолъ, Константинъ Порфиродный отзывается съ большимъ уваженіемъ, но очень сдержанно. Онъ называетъ его человѣкомъ мудрѣйшимъ (σοφώτατος), въ которомъ Василій чтилъ всякаго рода мудрость и добродѣтель (τιμῶν διὰ τὴν ἐν αὐτῷ παντοδαπὴ σοφίαν τε καὶ ἀρετήν), но котораго онъ временно долженъ былъ устранить отъ престола, дабы утишить возникшій изъ за него мятежъ церковный, послѣ же законно и канонически возвратилъ церкви, поселивъ его въ своемъ царскомъ дворцѣ и сдѣлавъ воспитателемъ своимъ дѣтей. Но такъ какъ при этомъ Порфиродный историкъ, дабы оправдать своего дѣда въ преступной узурпаціи и въ убійствѣ предшествовавшихъ правителей Византіи—кесаря Варды и императора Михаила III, старается всячески очернить того и другого, представляя Варду крайнимъ честолюбцемъ, деспотомъ, злоумышленникомъ, а Михаила государемъ совершенно

ни на что неспособнымъ, еще съ десяти лѣтъ развращеннымъ, пьянымъ кощунникомъ, непочтительнымъ къ матери, совершенно небрегшимъ о благѣ имперіи (такъ что Василій Македонскій по справедливости и по особеннымъ предначертаніямъ промысла Божія является у внука—панегириста избавителемъ имперіи отъ такихъ гнусныхъ тирановъ): то чрезъ это сами собою бросаются мрачныя тѣни и на патріарха Фотія, выдвинувшагося при Вардѣ и Михаилѣ и находившагося къ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ.

Въ тонѣ и направленіи, даннымъ Порфиророднымъ, пишутъ и другіе современные ему и по его порученію составлявшіе свои разсказы византійскіе хронографисты – анонимный продолжатель лѣтописи Ѳеофана (Theophanis continuator) и Іосифъ Генезій. Но у нихъ уже нѣтъ разумѣнія и сдержанности Порфироднаго. Стараясь всячески восхвалить первыхъ государей македонской династіи и опозорить послѣднихъ представителей низвергнутой ею амморейской, они наполняютъ свои разсказы крайне сомнительными и пустыми анекдотами, расписывая такіе анекдоты не только про Варду и Михаила, но и про поставленнаго при нихъ патріарха Фотія.

Во второмъ поколѣніи византійскихъ историковъ македонской эпохи, писавшихъ послѣ Порфироднаго, по отношенію къ личности патріарха Фотія начинается раздвоеніе. У Симеона магистра, въ наиболѣе извѣстной редакціи его хроники, нелѣпое и несправедливое отношеніе къ Фотію достигаетъ апогея. Это поистинѣ такой писатель, у котораго страсть придворнаго лѣтописца къ собиранію мелкихъ и грязныхъ сплетней сочетается съ напыщеннымъ фанатизмомъ агіолога-легендариста, злостное отношеніе къ Фотію его личныхъ враговъ—Митрофана и Стиліана съ суевѣріемъ и невѣжествомъ Никиты Пафлагонскаго. У другого современнаго Симеону лѣтописца—Георгія монаха, или его продолжателя, замѣчается болѣе мягкое отношеніе къ Фотію. Это самый безпристрастный изъ повѣствователей той эпохи. Но его разсказъ, остающійся всетаки на той же почвѣ, на какой держа-

лись его предшественники, притомъ краткій, сухой, въ иныхъ мѣстахъ неясный, не можетъ дать твердаго противовѣса многочисленнымъ показаніямъ другихъ писателей, клеветавшихъ на Фотія по особымъ видамъ и тенденціямъ.

Къ указаннымъ греческимъ описателямъ дѣяній Фотія примыкаетъ еще одинъ латинскій писатель, отъ котораго, повидимому, мы могли бы ожидать болѣе осмысленныхъ и безпристрастныхъ свѣдѣній. Это—Анастасій, библіотекарь римской церкви, человѣкъ умный, образованный, на мѣстѣ въ Константинополѣ собиравшій свѣдѣнія о Фотіѣ и въ качествѣ посла германскаго императора Людовика къ Византійскому Василію Македонскому бывшій свидѣтелемъ суда надъ Фотіемъ на соборѣ 869 года. Вотъ эти-то свѣдѣнія и изложилъ онъ въ видѣ предисловія къ переведеннымъ или передѣланнымъ имъ актамъ собора 869 года для представленія папѣ Адріану II. Но одно это назначеніе его труда—представить дѣла Фотія въ такомъ видѣ, чтобы это было согласно съ мнѣніями собора 869 года, и чтобы это могло понравиться папскому двору, заставляетъ осторожно относиться къ его показаніямъ. И если это тотъ-же же Анастасій, которому приписывается панегирикъ злѣйшему врагу Фотія—папѣ Николаю I-му, если это тотъ же Анастасій, котораго только что передъ помянутымъ константинопольскимъ соборомъ судили въ Римѣ за убійства, грабежи и подлоги, и если самая миссія его ко двору германскаго императора и затѣмъ въ Константинополь была устроена для того, чтобы дать ему возможность очистить себя отъ положенныхъ на него римскимъ соборомъ обвиненій: то тѣмъ болѣе, конечно, нужно относиться осторожно къ сообщаемымъ отъ него свѣдѣніямъ. Въ своемъ описаніи, повторяя многія басни, распространенныя о Фотіѣ его константинопольскими противниками, и присоединяя къ нимъ нѣкоторыя собственныя измышленія въ томъ же родѣ, Анастасій старается показать видъ сдержанности и безпристрастія, не скрываетъ нѣкоторыхъ лучшихъ сторонъ въ личности и жизни Фотія, намекаетъ на иные такіе факты, которые совершенно

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА Общественных Наук Академии Наук СССР

не мирятся съ показаніями другихъ писателей противной Фотію партіи: но при всемъ томъ общій тонъ его повѣствованія по отношенію къ Фотію злостный—непріязненный, не уступающій въ иныхъ мѣстахъ повѣствованіямъ Никиты и Симеона и доносамъ Ѳеогноста и Стиліана.

Да позволено будетъ спросить серьезныхъ историковъ и ученыхъ юристовъ, здѣсь присутствующихъ, можно ли въ сужденіяхъ и приговорахъ о комъ бы то ни было, а тѣмъ болѣе о великомъ историческомъ дѣятелѣ, полагать въ основу свидѣтельства лицъ, явно пристрастныхъ и крайне враждебныхъ къ нему,—притомъ такихъ лицъ, которыя и по нравственнымъ качествамъ и по умственному уровню неспособны даже и понимать того великаго историческаго дѣятеля, котораго берутся судить?...

Вникнемъ нѣсколько ближе въ содержаніе названныхъ повѣствованій. Прежде всего мы встрѣчаемъ въ нихъ такіе разсказы, которые сами по себѣ, по своей странности и нелѣпости, возбуждаютъ недовѣріе, разсказы крайне баснословные и суевѣрные, которые могутъ характеризовать не лицо, котораго они касаются, т.-е. не патріарха Фотія, а развѣ лишь самихъ изобрѣтателей и распространителей этихъ разсказовъ, какъ невѣждъ, суевѣровъ и фанатиковъ. Желая очернить память Фотія, нѣкоторые изъ разскащиковъ стараются опозорить самый родъ его: отецъ его будто бы былъ сынъ язычника (это въ IX вѣкѣ въ семьѣ близкой къ византійскому царскому двору), мать—монашенка, нарушившая свой обѣтъ, бѣжавшая изъ монастыря. Между тѣмъ изъ другихъ болѣе достовѣрныхъ источниковъ извѣстно, что Фотій происходилъ не только изъ знатнаго, но честнаго и благочестиваго рода: св. патріархъ Тарасій, предсѣдатель VI Вселенскаго собора былъ его дѣдъ по матери, родители терпѣли преслѣдованіе за православіе во времена иконоборчества; черезъ дядю и брата онъ находился въ ближайшемъ родствѣ съ императрицей Ѳеодорой, возстановительницей иконопочитанія. Далѣе повѣствуется, что когда мать его еще была беременна,

она видѣла во снѣ, будто чрево ея разорвалось и изъ него вышелъ драконъ. Одинъ подвижникъ (Иларіонъ Далматскій) прямо и предсказалъ ей, что она родитъ воплощеннаго сатану; другой (Михаилъ синнадскій) хотѣлъ поразить жезломъ находящагося во чревѣ ея младенца, предвидя, что онъ будетъ великій нечестивецъ, который различными обманами и обольщеніями многихъ увлечетъ въ крестопопрательство и лишитъ царства небеснаго. Самъ отецъ, по рожденіи Фотія, увидѣлъ на тѣлѣ его какіе то знаки, которыми по древнимъ предсказаніямъ долженъ отличаться антихристъ. Еще въ юности Фотій будто бы пристрастился къ изученію богопротивныхъ еврейскихъ и языческихъ книгъ; ради преуспѣянія въ нихъ, по наущенію еврейскаго волхва, отрекся отъ Христа и получилъ въ пособника и руководителя себѣ демона Левуфа (византійскій Мефистофель IX-го вѣка), услугами котораго пользовался и тогда, когда сдѣлался патріархомъ. Присутствовавшіе при патріаршихъ служеніяхъ Фотія будто бы свидѣтельствовали, что онъ вмѣсто тайныхъ священническихъ молитвъ читалъ предъ св. престоломъ стихи изъ языческихъ поэтовъ и при этотъ тутъ же изрыгалъ... какія то скверныя зловонныя изверженія; когда онъ во время богослуженія возвышалъ святый крестъ, прозорливые люди видѣли въ рукахъ его змѣя и т. д. О чемъ иномъ могутъ свидѣтельствовать подобные разсказы, какъ о не крайнемъ невѣжествѣ и самомъ злостномъ фанатизмѣ ихъ сочинителей??...

И при этомъ самые закоснѣлые враги Фотія не могутъ не признать того, что его личность и частная жизнь и общественное служеніе представляли необыкновенно высокія и свѣтлыя черты. Они признаютъ, что Фотій былъ человѣкъ не только высокаго ума, необыкновенный преданности наукамъ, но и безупречнаго чистаго поведенія. Они не могутъ скрыть того, что его патріаршее управленіе въ церкви константинопольской отличалось славными дѣяніями. Фотій не только распространялъ просвѣщеніе, покровительствовалъ ученымъ, самъ писалъ множество сочиненій, но и широко подъ покро-

вомъ церкви развивалъ благотворительную дѣятельность въ народѣ, устроивалъ замѣчательнѣйшія миссіонерскія предпріятія, любилъ строить церкви, монастыри, устроять торжественныя религіозныя процессіи. Фотій имѣлъ необыкновенный даръ привязывать къ себѣ людей разныхъ общественныхъ состояній и разныхъ степеней образованія; его друзья любили его болѣе кровныхъ родныхъ; его приверженцы преданы были ему до самоотверженія; и люди, предубѣжденные противъ него и находившіеся во враждѣ съ нимъ поддавались его нравственному вліянію и привязывались къ нему, ближе узнавъ его. Фотій былъ замѣчательнѣйшій наставникъ, рѣдкій другъ, разумнѣйшій и твердый правитель. Фотію не чужды были и особенные дары высшей духовной благодати; враждебные ему писатели описываютъ случай, какъ его молитвами спасенъ былъ Константинополь отъ нападенія Россовъ. Какъ все это примирить съ тѣмъ темнымъ сатанинскимъ характеромъ, который стараются приписать Фотію враги его?

Но, признавая высокія достоинства Фотія, враждебные ему писатели стараются сколько возможно менѣе говорить о нихъ: потому большая часть жизни Фотія и самые значительные годы его патріаршескаго управленія, самыя славныя его дѣянія оставляются у нихъ на заднемъ планѣ; или на самыя высокія качества и славные подвиги его они своими объясненіями стараются навести какія либо неблаговидныя тѣни. И въ этомъ состоитъ едва ли не самая фальшивая сторона ихъ повѣствованій. Нѣтъ ни одного высокаго качества, нѣтъ ни одного славнаго дѣянія Фотія, на которое бы враждебные ему писатели не наводили мрачной тѣни разными инсинуаціями. Признавая умъ Фотія и его необыкновенныя познанія, они стараются представить, что этотъ умъ имѣлъ превратное направленіе, что эта мудрость была низменнаго мірскаго характера, что она состояла лишь въ изученіи свѣтскихъ и преимущественно вредныхъ и богопротивныхъ наукъ, что и почерпалась она изъ темнаго бѣсовскаго источника, и что ученіе Фотія имѣло неправославное

еретическое направленіе. Описывая его необыкновенную преданность наукамъ, они стараются все это объяснить изъ тщеславія. Описывая щедрую его благотворительность, объясняютъ ее лишь желаніемъ привлечь къ себѣ народъ. Описывая широкую миссіонерскую дѣятельность, построеніе имъ церквей и монастырей, и это все объясняютъ тщеславіемъ, славолюбіемъ. Признавая за Фотіемъ необыкновенный даръ привязывать къ себѣ учениковъ, подчиненныхъ, друзей, даже враговъ, объясняютъ это лестью, приманками, иногда принужденіями, заклятіями, даже чарами. Не сказывается ли и въ этомъ крайняя степень закоренѣлаго злостнаго предубѣжденія противъ Фотія?

Но описывая нехотя и со всякими оговорками и инсинуаціями доблести Фотія, враги его являются чрезвычайно ревностными и словоохотливыми, когда дѣло доходитъ до изображенія его темныхъ будтобы качествъ и дурныхъ дѣлъ. Высокомѣріе, честолюбіе, интриганство, дерзость, лживость, жестокость, тиранство—вотъ пороки, въ которыхъ преимущественно обвиняютъ Фотія. Всѣ эти обвиненія однакожъ при близкомъ разсмотрѣніи оказываются или совершенно голословными, бездоказательными, или основываются на крайнемъ искаженіи, преувеличиваніи фактовъ или на приписываніи Фотію такихъ дѣйствій, которыя вовсе не имъ, даже вопреки его желаніямъ, были совершаемы *.

И во всемъ этомъ представляется множество противорѣчій, прямо показывающихъ намѣренную, но недовольно обдуманную и соглашенную поддѣлку фактовъ. Противорѣчія при описаніи жизни Фотія у его враговъ встрѣчаются, можно сказать, на каждомъ шагу, и противорѣчія всякаго рода. Противорѣчія въ разности показаній объ извѣстномъ фактѣ у нѣсколькихъ писателей, выдающихъ себя за очевидцевъ или

---

* На все это, какъ и на другія положенія, кратко здѣсь высказываемыя, представлены будутъ подробныя подтвержденія и разъясненія въ отдѣльномъ изданіи Рѣчи.

ближайшихъ свидѣтелей факта, факта притомъ простаго и нагляднаго, который не можетъ двумъ свидѣтелямъ одновременно представляться въ двухъ различныхъ видахъ. Противорѣчія у одного и того же писателя при описаніи частныхъ подробностей извѣстнаго факта. Противорѣчія у нѣсколькихъ писателей въ объясненіи внутреннихъ мотивовъ или причинъ извѣстнаго факта. Противорѣчія въ освѣщеніи совершенно однородныхъ фактовъ съ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія. Въ особенности много этихъ противорѣчій сказывается въ описаніи самыхъ важныхъ и самыхъ запутанныхъ фактовъ Фотіевой исторіи: перваго вступленія Фотія на патріаршій престолъ при императорѣ Михаилѣ и перваго низложенія его съ престола въ началѣ царствованія Василія Македонскаго, возстановленія его на престолѣ тѣмъ же императоромъ Василіемъ Македонскимъ и вторичнаго низверженія при сынѣ его императорѣ Львѣ.

Но отчего же до насъ дошли писанія и свидѣтельства о Фотіѣ только отъ лицъ, враждебныхъ ему или имѣвшихъ особенныя побужденія говорить о немъ дурно? У Фотія, по сознанію самыхъ враговъ его, было очень много приверженцевъ. У него было много друзей въ высшей церковной іерархіи, готовыхъ не только защищать его противъ обвиненій враговъ, но и страдать за него, подвергаться порицаніямъ и проклятіямъ, итти въ ссылку, терпѣть гоненія въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. И это были самые образованные люди того времени—Григорій Сиракузскій, Захарія халкидонскій, Георгій никомидійскій, Амфилохій кизическій, Ѳеодоръ евхантскій, Ѳеофанъ кесарійскій, Прокопій кесарійскій и другіе. У Фотія было много учениковъ, преданныхъ ему; къ числу ихъ принадлежали напримѣръ такія личности, какъ просвѣтитель славянъ—Константинъ философъ—eius fortissimus amicus. За Фотіемъ шелъ рядъ преемниковъ—константинопольскихъ патріарховъ, почитавшихъ его, какъ величайшаго учителя церкви, сильнѣйшаго поборника православія, каковы были изъ близкихъ къ нему по времени Николай

Мистикъ, Сергій, Сисиній, и другіе. Отчего же никто не взялъ на себя труда оправдать память Фотія отъ тѣхъ нареканій, какія оставили на ней его враги?...

Этотъ вопросъ какъ бы самъ собою напрашивается, при разсмотрѣніи источниковъ Фотіевой исторіи. Но отвѣчать на него очень трудно... Отчего?... Бываютъ историческія случайности: люди, которымъ казалось бы всего ближе оставить въ исторіи память объ извѣстномъ лицѣ или фактѣ,— они то и молчатъ о немъ... Можетъ быть, почитателямъ и приверженцамъ Фотія, современнымъ и близкимъ къ его времени, дѣла и значеніе Фотія представлялись столь широкими, что они не рѣшались браться за описаніе ихъ. Можетъ быть, они, готовые страдать за него и открыто свидѣтельствовать о немъ на соборахъ, составлявшихся по его иниціативѣ и противъ него, не хотѣли становиться на общую почву съ врагами, писавшими вдали и заочно свои доносы и пасквили противъ него? Можетъ быть, эти доносы и пасквили въ свое время и не были извѣстны образованнѣйшимъ приверженцамъ и почитателямъ Фотія, или представлялись имъ не заслуживающими вниманія?. А, можетъ быть, иные изъ приверженцевъ и почитателей Фотія и писали о немъ свои отзывы и воспоминанія, но писанія ихъ не сохранились до насъ или остаются не обнародованными? Отчего?.. Это, можетъ быть, нѣсколько уяснится для насъ, когда мы разсмотримъ исторію еще другихъ особаго рода памятниковъ, сообщающихъ показанія о жизни Фотія.

Здѣсь замѣтимъ только то, что хотя отъ приверженцевъ и почитателей Фотія не сохранилось большихъ сочиненій—подробныхъ разсказовъ о немъ, но сохранились по крайней мѣрѣ нѣкоторыя рѣчи, произнесенныя ими на соборѣ 869—870 годовъ, судившемъ Фотія, и на соборѣ 879—880 гг., собранномъ подъ предсѣдательствомъ самого Фотія во второе его патріаршество. Таковы рѣчи Захаріи халкидонскаго и Евсхемона кесарійскаго на первомъ соборѣ и того же Захаріи халкидонскаго и Прокопія кесарійскаго на второмъ. Рѣчи

эти не велики; въ особенности на соборѣ 869 г. они были прерываемы и заглушаемы противниками Фотія, причемъ и сами ораторы, произносившіе ихъ, подвергались насиліямъ; но въ нихъ, равно какъ и въ рѣчахъ самого Фотія на соборѣ 879 года, многіе самые важные факты его затемненной исторіи, освѣщаются совершенно иначе, чѣмъ въ показаніяхъ его противниковъ. Поэтому ихъ необходимо принимать во вниманіе для противовѣса этимъ послѣднимъ.

Перейдемъ теперь къ обозрѣнію другихъ источниковъ исторіи Фотія.

Кромѣ показаній современниковъ и близкихъ событіямъ писателей, сообщающихъ такіе или другіе отзывы о Фотіѣ, до насъ дошелъ повидимому очень важный источникъ свѣдѣній для Фотіевой исторіи: это оффиціальная переписка о Фотіѣ между римскою церковью и константинопольскимъ правительствомъ: письма римскихъ папъ—Николая 1-го, Адріана 2-го, Іоанна 8-го и Стефана 5-го, писанныя въ Константинополь по поводу перваго и второго вступленія Фотія на патріаршій престолъ и перваго и второго низложенія его,— и письма императоровъ константинопольскихъ Михаила 3-го, Василія Македонскаго и Льва Философа, обращавшихся къ папамъ по этимъ случаямъ (о письмахъ самого Фотія будемъ говорить особо). Указанный источникъ какъ будто довольно обиленъ, и западные изслѣдователи исторіи Фотія очень много имъ пользуются. Но при нѣкоторомъ разсмотрѣніи, этотъ источникъ вызываетъ также много недоумѣній. 1) Корреспонденція между Римомъ и Константинополемъ представляется далеко не равномѣрною. Именно: писемъ папскихъ съ разными порицаніями и прещеніями противъ Фотія до насъ сохранилось много; но изъ писемъ императоровъ константинопольскихъ остались извѣстными только тѣ, которыя вторятъ порицаніямъ и прещеніямъ папскимъ. Тѣ же, которыя защищаютъ дѣло Фотія и интересы церкви восточной, и которыхъ было очень много, безслѣдно пропали или остаются

необнародованными, такъ что лишь нѣкоторыя свѣдѣнія о содержаніи ихъ мы можемъ получить изъ тѣхъ же писемъ папскихъ, писанныхъ въ отвѣтъ. Случайность ли это или намѣренная тенденція: но во всякомъ случаѣ такое положеніе дѣла ставитъ въ большое затрудненіе историка, желающаго безпристрастно изслѣдовать событія, на основаніи правила—audiatur et altera pars. 2) Вѣрности тѣхъ свѣдѣній, которыя мы находимъ въ письмахъ папскихъ относительно содержанія не дошедшихъ до насъ писемъ константинопольскихъ, мы никакъ не можемъ довѣрять: такъ какъ изъ самыхъ же писемъ папскихъ мы видимъ, что они отвѣчаютъ своимъ константинопольскимъ корреспондентамъ весьма пристрастно и односторонне, письма, присылаемыя къ нимъ, толкуютъ въ такомъ смыслѣ, въ какомъ угодно имъ,—выставляютъ на видъ въ ихъ содержаніи только тѣ стороны, которыя представляются важными для ихъ интересовъ,—отвѣчаяютъ лишь на нѣкоторые пункты константинопольскихъ писемъ, а другіе важные пункты, почему либо не нравящіеся имъ, оставляютъ совсѣмъ безъ отвѣта, или вмѣсто отвѣта на поставленный вопросъ приплетаютъ къ дѣлу матеріи, неотносящіяся къ нему; иногда наполняютъ свои письма только высокомѣрными ругательствами и непомѣрными притязаніями. 3) Къ историческимъ фактамъ въ своихъ письмахъ папы относятся крайне безцеремонно: не только относительно давно минувшей исторіи они утверждаютъ то, чего въ ней не было, но и живыхъ лицъ, съ которыми переписываются, они иногда стараются увѣрить, будто они дѣлали то, чего тѣ вовсе не дѣлали. 4) Вообще историческаго содержанія и характера папскія письма имѣютъ очень мало; ихъ характеръ преимущественно догматическій—католико-догматическій. Это не просто историческіе документы, но декреты, въ которыхъ папы, прикрываясь авторитетомъ божественнаго права, мало заботятся о простой человѣческой правдѣ. Большая часть содержанія папскихъ писемъ, относящихся къ данному времени и предмету, наполнена общими разсужденіями о величіи римской каѳедры,

о необычайности дарованныхъ ей чрезъ апостола Петра привиллегій, о томъ, что эти привиллегіи—основаніе всего церковнаго права, и потому декреты, исходящіе отъ римскаго престола, должны быть исполняемы во всей вселенной, и противиться этимъ декретамъ—величайшее нечестіе и преступленіе, а возставать противъ авторитета апостольской каѳедры, позволять себѣ вторгаться въ привиллегіи римской церкви и судить преемника апостола Петра—невѣроятное безуміе, неслыханная дерзость ...и т. п. Поэтому брать письма папъ, какъ серьезный историческій матеріалъ для разъясненія фактовъ, которыхъ они иногда вскользь и съ своей точки зрѣнія касаются, весьма ненадежно. Они представляются интересными для исторіи въ другомъ отношеніи. Они даютъ отличную характеристику самого папства въ данное, очень важное для развитія ложной папистической системы время, и въ частности характеризуютъ каждаго изъ помянутыхъ папъ—Николая 1-го, Адріана 2-го и Іоанна 8-го тѣми именно чертами, какія подмѣчены были въ нихъ и западными современниками.

Церковное движеніе, начавшееся въ то время, споры возникшіе между константинопольскою и римскою церквами, не остановились въ предѣлахъ лишь этихъ двухъ церквей,—но постепенно стали распространяться во всемъ христіанскомъ мірѣ, на востокѣ и западѣ. Чрезвычайно интересно и важно было бы для исторіи, еслибы до нашего времени сохранились какія-либо историческіе документы, которыми разъяснялся бы самый процессъ, какъ постепенно распространялось и развивалось папистическое направленіе на Западѣ и антипапистическое на Востокѣ, и какъ постепенно столкновенія этихъ двухъ направленій, перешедши съ личныхъ отношеній на общецерковную почву, произвело въ христіанскомъ мірѣ ту глубокую церковную рознь, несчастныя послѣдствія которой и теперь продолжаютъ развиваться. Но, къ сожалѣнію, документовъ для разъясненія этого важнаго вопроса до насъ почти не сохранилось.

Еще большее значеніе, чѣмъ оффиціальная переписка между константинопольскими императорами, римскими папами, восточными патріархами и другими лицами, имѣвшими отношенія къ Фотію, могли бы имѣть для насъ акты и опредѣленія церковныхъ соборовъ, бывшихъ тогда. Во время патріаршества Фотія и въ большей или меньшей связи съ его исторіей, было много соборовъ въ Константинополѣ, въ Римѣ и въ другихъ мѣстахъ на Востокѣ и Западѣ. На церковныхъ соборахъ обыкновенно составлялись или подробныя записи (акты, протоколы), о происходившемъ, сказанномъ, читанномъ, постановленномъ, или по крайней мѣрѣ краткія опредѣленія о дѣлахъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію собора. Если бы отъ всѣхъ соборовъ того времени сохранились до насъ подробные акты или хотя краткія опредѣленія: какая широкая картина исторической жизни открылась бы здѣсь передъ нами, какая живая характеристика главныхъ дѣятелей, направленій, стремленій и столкновеній, сколько неясныхъ запутанныхъ вопросовъ разрѣшилось бы само собою, и какъ уяснилась бы для насъ личность патріарха Фотія и значеніе тѣхъ дѣлъ, изъ за которыхъ онъ боролся и противъ него боролись! Но, къ сожалѣнію, и изъ всего этого сохранилось до насъ очень немногое; и именно сохранилось главнымъ образомъ то, что опять направлено было противъ патріарха Фотія, а что исходило отъ него или совершалось подъ его руководствомъ, то или безслѣдно пропадало или въ продолженіе многихъ вѣковъ задерживалось подъ спудомъ, и если наконецъ, появлялось на свѣтъ Божій, то очень не скоро, съ большими затрудненіями и часто искаженіями. И здѣсь уже мы ясно видимъ не простую случайность, а опредѣленную тенденцію, послѣдовательно передающуюся черезъ многіе вѣка, т.-е. тенденцію, исходящую отъ римской церкви и болѣе или менѣе отражающуюся у всѣхъ почти католическихъ историковъ и издателей историческихъ памятниковъ, а за ними и у другихъ новыхъ писателей.

Прежде всего намъ извѣстны три собора, бывшіе въ Константинополѣ при самомъ началѣ Фотіева патріаршества: соборъ въ присутствіи императора Михаила, царскихъ сановниковъ и многихъ епископовъ по поводу избранія Фотія на константинопольскій престолъ и два собора, происходившіе вѣроятно въ слѣдовавшемъ 858 или 859 году,—въ церкви св. Ирины, гдѣ приверженцы удаленнаго патріарха Игнатія въ первый разъ отдѣлились отъ церковнаго общенія съ Фотіемъ и произнесли на него анаѳему,—и въ церкви св. Апостоловъ, гдѣ Фотій въ свою очередь предалъ отлученію возмутившихся противъ него Игнатіанъ, формальнымъ опредѣленіемъ закрѣпивъ и низложеніе самого Игнатія, именемъ котораго дѣйствовали возмутители церковнаго порядка. Никакихъ подлинныхъ документовъ отъ этихъ соборовъ до насъ не дошло, хотя и есть основанія предполагать, что по крайней мѣрѣ на послѣднемъ изъ нихъ такіе документы были составлены. И объ этой утратѣ нельзя не пожалѣть: потому что, еслибы сохранились подлинные документы помянутыхъ соборовъ, для насъ вопросъ о первомъ избраніи Фотія на патріаршество не представлялъ бы тѣхъ запутанностей, какія онъ теперь представляетъ, и для насъ яснѣе были бы и характеръ и взаимныя отношенія и самая внѣшняя численность вступившихъ тогда въ борьбу константинопольскихъ партій.

Далѣе идутъ большіе и очень важные соборы, собиравшіеся въ Константинополѣ подъ предсѣдательствомъ патріарха Фотія въ дальнѣйшіе годы его перваго патріаршества: 1) Соборъ 861 г.—въ церкви свв. Апостоловъ, въ присутствіи 318 епископовъ (въ томъ числѣ двухъ папскихъ легатовъ—Родоальда и Захаріи), созванный для ниспроверженія остатковъ иконоборческой ереси, для установленія правилъ церковной дисциплины, нужныхъ при тогдашнемъ состояніи церкви константинопольской, и между прочимъ для подтвержденія низложенія патріарха Игнатія, которое постановлено было уже на предшествовавшемъ соборѣ, но которое оказалось нужнымъ подтвердить въ присутствіи папскихъ легатовъ потому, что при-

верженцы Игнатія на низложеніе его желали апеллировать къ папскому суду, и этимъ смущали народъ. 2) Соборы, созванные Фотіемъ въ 866 и 867 гг. для осужденія злоупотребленій, обнаружившихся въ христіанствѣ со стороны папства, неправильныхъ дѣйствій папскихъ миссіонеровъ въ новообращенной Болгаріи и папскаго деспотизма въ западныхъ церквахъ, на который жаловались Фотію нѣкоторые изъ западныхъ епископовъ. На этихъ соборахъ несомнѣнно составлялись подробные акты. Списки съ нихъ съ императорскими посланными представлялись въ Римъ, а подлинники хранились въ Константинополѣ. Содержаніе этихъ актовъ несомнѣнно представляло важнѣйшіе документы не только для исторіи Фотія, но и вообще для исторіи христіанства: такъ какъ оно касалось перваго важнѣйшаго момента столкновеній христіанскаго Востока съ Западомъ, изъ которыхъ потомъ вышло многовѣковое раздѣленіе церквей. Но такъ какъ эти документы были очень непріятны папству, то они и сожжены были сначала въ спискахъ въ Римѣ, потомъ при полученной папствомъ возможности и въ подлинникахъ въ Константинополѣ.

По низложеніи Фотія императоромъ Василіемъ Македонскимъ, созванъ былъ въ Константинополѣ новый соборъ въ 869—870 гг. На этомъ соборѣ дѣйствовали враги Фотія: римскіе легаты, присланные папою Адріаномъ 2-мъ, сановники императора, низложившаго Фотія, подставные мѣстоблюстители восточныхъ патріарховъ, наиболѣе ярые представители партіи, приверженной къ патріарху Игнатію, и самъ престарѣлый Игнатій, возвращенный на патріаршество и сильно въ это время возбужденный и настроенный противъ Фотія. Члены собора старались изыскивать всевозможныя обвиненія противъ Фотія, но такъ какъ эти обвиненія оказывались неясными и бездоказательными, довольствовались тѣмъ, что во всякомъ засѣданіи осыпали Фотія ругательствами и проклятіями, расточая самые пышные и льстивые панегирики папамъ Николаю и Адріану, императору Василію, и гораздо въ

меньшей степени патріарху Игнатію. Нѣкоторые изъ преданныхъ Фотію епископовъ пытались защищать его, но имъ не давали говорить, осыпали ихъ бранью и прогоняли съ собора. Самъ Фотій, двукратно вызванный на соборъ, зная, что его уже прежде всякихъ изслѣдованій рѣшили осудить, большею частью ничего не отвѣчалъ на предъявляемые ему вопросы, и на увѣщанія къ раскаянію отвѣчалъ лишь то, что его обвинители и судьи сами должны были бы раскаяться въ несправедливости противъ него. Фотія подвергли страшнымъ проклятіямъ, запечатлѣли ихъ кощунственными подписями, омочивъ писчую трость въ евхаристическую кровь Христову; затѣмъ низложили епископовъ и клириковъ большею частію оставшихся вѣрными ему (разославъ потомъ многихъ изъ нихъ въ ссылку, а самого Фотія подвергнувъ тягчайшему заточенію), и сожгли множество отобранныхъ у него важныхъ документовъ и рукописей. Вотъ дѣянія этого собора сохранились до насъ, хотя и нѣсколько разъ угрожала имъ опасность быть уничтоженными—сохранились въ разнообразныхъ редакціяхъ, въ пространныхъ и краткихъ изложеніяхъ. И они у западныхъ историковъ считаются важнѣйшимъ памятникомъ для исторіи Фотія, какъ и самый соборъ, совершившій эти дѣянія ставится на западѣ очень высоко и осыпается всякими восхваленіями. Впрочемъ и на этомъ соборѣ было одно засѣданіе, на которомъ спорный между римскою и константинопольскою церквами вопросъ о церкви болгарской рѣшенъ былъ не въ пользу римской церкви. Описаніе этого послѣдняго засѣданія не вошло въ соборные акты, и намъ извѣстно о немъ уже изъ посторонняго источника.

По возвращеніи Фотія на патріаршество, былъ въ Константинополѣ новый соборъ — съ ноября 879 г. по мартъ 880 г. Этотъ соборъ, какъ сознаются и неблагопріятствующіе Фотію западные писатели, и по внѣшней своей торжественности и по внутреннему характеру и значенію, составлялъ какъ бы тріумфъ патріаршествованія Фотіева. Онъ созванъ былъ для возстановленія мира церковнаго, поколе-

бленнаго въ константинопольской церкви волненіями противофотіанской партіи и дѣяніями собора 869 года, поколебленнаго во всемъ христіанствѣ незаконными нововведеніями и притязаніями папства. На этомъ соборѣ Фотію удалось достигнуть замѣчательныхъ результатовъ: 1) представителями всѣхъ христіанскихъ церквей, и самой римской церкви, онъ торжественно признанъ былъ законнымъ патріархомъ и великимъ учителемъ церковнымъ; 2) партія, противодѣйствовавшая ему въ Константинополѣ, оказалась совершенно ничтожною, и послѣдніе остатки ея были осуждены какъ восточными, такъ и западными представителями; 3) соборъ, осудившій Фотія въ 869 г., признанъ былъ незаконнымъ, лишеннымъ всякаго значенія и отвергнутъ какъ восточными епископами, такъ и легатами римскаго папы; 4) для предупрежденія нововведеній и измѣненій въ самой православной вѣрѣ, положено утвердить во всѣхъ церквахъ признаніе седьми вселенскихъ соборовъ, и въ символѣ вѣры, составленномъ первыми двумя соборами, не дѣлать никакихъ прибавленій и убавленій, измѣненій и поврежденій. Это—все то, чего могъ только желать тогда патріархъ Фотій. Постановленія собора 879—880 гг. утверждены были подписями византійскаго императора „охранителя православія“ и православныхъ представителей христіанскаго міра, въ томъ числѣ легатами римской церкви... И еслибы всѣ церкви, которыхъ представители подписались подъ этими соборными актами, остались вѣрны постановленному на соборѣ, не совершилось бы разрыва церквей, и имя патріарха Фотія, какъ великаго охранителя православія и церковнаго миротворца, единодушно восхвалялось и прославлялось бы во всемъ христіанскомъ мірѣ, какъ восхвалялось и прославлялось оно на самомъ соборѣ 879—880 гг... Но въ римской церкви не признанъ былъ этотъ соборъ, вслѣдствіе побужденій мелкихъ и своекорыстныхъ, — и миръ церковный разорвался, — и остается разорваннымъ до настоящаго времени... Вина въ томъ не останется на памяти великаго дѣятеля церковнаго, старавшагося до послѣдней возможности

предотвратить этотъ разрывъ. И историческій памятникъ его послѣднихъ усилій къ охраненію обще-христіанскаго мира (т.-е. акты собора 879—880 гг.) навсегда останется памятникомъ и его великаго личнаго значенія въ исторіи, котораго не поколеблютъ никакія клеветы, никакія недоразумѣнія.

Понятное дѣло, какъ же и непріятенъ долженъ быть этотъ памятникъ для той части христіанскаго міра, которая не приняла собора 879—880 гг.! И удивительнымъ въ настоящемъ случаѣ представляется еще то, какъ эта часть христіанскаго міра, въ продолженіи многихъ вѣковъ преобладавшая и заправлявшая въ важнѣйшихъ дѣлахъ науки и исторіи, попустила уцѣлѣть этому памятнику до настоящаго времени? Кажется, всего скорѣе нужно было бы ожидать, что и этотъ памятникъ (т.-е. акты собора 879 — 880 гг.) подвергнется той же участи, какой, мы видѣли, подверглась большая часть важныхъ историческихъ документовъ, благопріятныхъ для патріарха Фотія и неблагопріятныхъ для его противниковъ,— какъ акты соборовъ 861 и 867 гг.; письма, писанныя въ пользу Фотія византійскими императорами, восточными патріархами и т. д. Но къ счастію, въ исторіи и самымъ предусмотрительнымъ и искуснымъ людямъ не всегда удается сдѣлать то, чего бы они желали. Списки соборныхъ актовъ 879—880 гг. во множествѣ экземпляровъ распространились по разнымъ странамъ христіанскаго міра, и противникамъ Фотія—папистамъ послѣ 880 г. уже ни однажды не приходилось въ Константинополѣ, и вообще на Востокѣ, распоряжаться такъ, какъ они распоряжались въ 869 г.; непріятные для папства соборные акты остались во многихъ старыхъ архивахъ и библіотекахъ. Ученые, ревнители папства пытались другими способами затмить въ исторіи память этого собора. Пытались, сколько возможно, не выпускать этихъ актовъ изъ старыхъ архивовъ и библіотекъ — не опубликовывать ихъ. Пытались заподозривать самое существованіе собора, пускали въ ходъ мнѣніе, что этотъ соборъ всецѣло былъ измышленъ самимъ Фотіемъ, или, если онъ и происхо-

дилъ на самомъ дѣлѣ, то не такъ, какъ это представляется въ актахъ, которые будто бы во всемъ составѣ своемъ сочинены Фотіемъ. Пытались въ особенности заподозривать тѣ засѣданія собора, на которыхъ состоялось подтвержденіе неприкосновенности древняго символа вѣры, и такимъ образомъ косвенно отвергнуто было западное Filioque. Затѣмъ, когда памятникъ этотъ былъ уже обнародованъ, и стало невозможно поддерживать такія крайнія мнѣнія о немъ, стали нападать на отдѣльныя частности, заподозривать подлинность нѣкоторыхъ документовъ, входящихъ въ составъ памятника, заподозривать подписи, находящіяся подъ нимъ, указывать на разности редакцій въ различныхъ спискахъ, нападать на панегирическій тонъ соборныхъ актовъ по отношенію къ Фотію и т. д. Но всѣ эти предубѣжденія мало-по-малу разсѣиваются, и новымъ даже и католическимъ ученымъ, чѣмъ болѣе внимательно они всматриваются въ указанный памятникъ, тѣмъ болѣе приходится отказываться отъ прежнихъ крайнихъ мнѣній, и приходить къ признанію значенія собора 879—880 гг. и важности его актовъ для разъясненія исторіи Фотія.

Кромѣ соборовъ константинопольскихъ, имѣвшихъ прямое и непосредственное отношеніе къ исторіи Фотія, въ большемъ или меньшемъ соприкосновеніи съ этою исторіей—намъ извѣстно и еще нѣсколько соборовъ, бывшихъ въ то время въ другихъ церквахъ западныхъ и восточныхъ. Но отъ нихъ осталось очень мало историческихъ документовъ.

Такъ намъ извѣстны три римскіе собора, созванные папами по дѣлу о занятіи Фотіемъ константинопольскаго престола: 1) соборъ 863 г. при папѣ Николаѣ, на которомъ въ первый разъ отвергнута была въ Римѣ законность Фотіева патріаршества, Фотій преданъ анаѳемѣ, и положено начать дѣятельную агитацію противъ него предъ константинопольскимъ правительствомъ, клиромъ, и въ другихъ восточныхъ церквахъ; 2) соборъ 869 года при папѣ Адріанѣ 2-мъ, на которомъ воспользовавшись политическою опалой, постигшею

Фотія отъ новаго императора Василія, въ Римѣ спѣшили торжественно закрѣпить и его церковное осужденіе, уничтожить замѣчательнѣйшіе памятники его патріаршей дѣятельности, и приготовить уполномоченныхъ для болѣе торжественнаго повторенія и подтвержденія римскихъ приговоровъ и дѣйствій въ самомъ Константинополѣ — на соборѣ, который въ качествѣ новаго вселенскаго собора и созванъ императоромъ Василіемъ въ томъ же 869 году; и 3) соборъ 879 г.— при папѣ Іоаннѣ VIII-мъ въ совершенно противоположномъ направленіи, на которомъ въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, возвратившагося къ Фотію благоволенія византійскаго императора и особенныхъ разсчетовъ, которыхъ папа надѣялся достигнуть чрезъ сближеніе съ Византіей, положено было войти въ общеніе съ Фотіемъ, навсегда отвергнутымъ и проклятымъ въ римской церкви при прежнихъ папахъ, отвергнуть и уничтожить приговоры, прежде постановленные противъ него, и закрѣпить союзъ съ нимъ на новомъ константинопольскомъ соборѣ, который потомъ и открылся въ концѣ 879 г. Отъ этихъ трехъ римскихъ соборовъ сохранились нѣкоторые документы,—но немногіе и притомъ такіе, о которыхъ можно сказать лишь то, что они, какъ и письма папскія, писанныя въ то время въ Константинополь, не столько уясняютъ обстоятельства Фотіевой исторіи, сколько характеризуютъ тенденціи папства и свойства его представителей въ то время.

Было еще на западѣ нѣсколько соборовъ по поводу полемики, возбужденной Фотіемъ противъ папства, по поводу обличенія имъ неправильныхъ нововведеній, распространившихся въ западныхъ церквахъ. Но объ этихъ соборахъ сохранились очень немногія и очень неудовлетворительныя свѣдѣнія— вѣроятно потому, что и сами распространители и попустители церковныхъ нововведеній на западѣ въ то время не давали себѣ яснаго отчета въ ихъ смыслѣ и происхожденіи.

Есть основанія предполагать, что и на востокѣ—въ странахъ, уже подчиненныхъ магометанскому господству, по дѣ-

ламъ, касавшимся Фотія, и вопросамъ, возбужденнымъ имъ, было нѣсколько церковныхъ соборовъ: но отъ нихъ не дошло никакихъ документовъ, и о нихъ не сохранилось никакихъ ясныхъ свѣдѣній.

Восходя въ обозрѣніи источниковъ Фотіевой исторіи все выше и выше, отъ писаній и памятниковъ наименѣе достовѣрныхъ къ болѣе твердымъ и значительнымъ, мы должны наконецъ сказать объ источникѣ самомъ важномъ. Это—собственныя письма и сочиненія Фотія. Несомнѣнно и всѣми признано, что при изученіи всякаго историческаго и литературнаго дѣятеля наилучшій источникъ—его переписка, особенно интимная и не преднамѣренная, если она притомъ касается разнообразныхъ отношеній жизни и дѣятельности этого лица; а также его литературныя произведенія, въ которыхъ невольно отражается и внутренній міръ наполнявшихъ писателя идей и интересовъ, и внѣшніе его пріемы, отношенія и характеристическія свойства. Изслѣдователи исторіи патріарха Фотія, кажется, могли бы находиться въ этомъ отношеніи въ самомъ благопріятномъ положеніи, и повидимому остается только удивляться, какъ мало они доселѣ пользовались этимъ положеніемъ.

Указанный источникъ — чрезвычайно обильный и разнообразный. Одни письма Фотія составляютъ такой обширный сборникъ, который объемомъ своимъ, пожалуй, превосходитъ всѣ другіе, вмѣстѣ взятые, источники свѣдѣній о немъ. Писемъ Фотія напечатано болѣе 260: между тѣмъ и теперь не только нельзя имѣть увѣренности, что уже всѣ его письма сдѣлались извѣстны, но напротивъ можно имѣть увѣренность, что многія изъ нихъ уничтожились и случайно и по особеннымъ стараніямъ его враговъ, а другія можетъ быть еще и существуютъ, но остаются необнародованными. Между напечатанными письмами Фотія есть такія, которыя составляютъ цѣлые богословскіе и нравственные трактаты, и имѣютъ очень важное значеніе не только для исторіи Фотія, но и для исто-

ріи вообще. Письма эти чрезвычайно разнообразны. 1) Они разнообразны по составу и положеніямъ лицъ, къ которымъ были писаны: здѣсь мы встрѣчаемъ царей (Михаила и Василія византійскихъ, Бориса болгарскаго, Ашота армянскаго), восточныхъ патріарховъ (Евстафія, Ѳеодосія), римскихъ папъ (Николая I, Іоанна VIII), множество митрополитовъ, епископовъ, игумновъ — правителей монастырей и простыхъ монаховъ отшельниковъ, знатныхъ придворныхъ сановниковъ, правителей народа и простыхъ мірянъ,—лицъ близкихъ Фотію. родныхъ, друзей и враговъ его, покровителей и преслѣдователей. 2) Письма также очень разнообразны и по положеніямъ писавшаго лица,— Фотій писалъ ихъ и на верху славы и величія, и въ тяжкомъ заточеніи, подъ гнетомъ проклятій и преслѣдованій. 3) Необыкновенно разнообразны и предметы писемъ: въ однихъ Фотій раскрываетъ высокіе догматы вѣры, начертываетъ правила христіанской нравственности, рѣшаетъ запутаннѣйшіе вопросы церковной практики, объясняетъ труднѣйшія мѣста Священнаго Писанія; въ другихъ говоритъ о своемъ личномъ положеніи и ближайшимъ образомъ входитъ въ разнообразныя положенія лицъ, къ которымъ пишетъ, утѣшаетъ родныхъ и друзей, наставляетъ учениковъ и приверженцевъ, споритъ съ разномыслящими, обличаетъ неправоживущихъ, жестокихъ, несправедливыхъ, развращенныхъ, предостерегаетъ высокомѣрныхъ и упорныхъ, подкрѣпляетъ колеблющихся и падшихъ и т. д. 4) Замѣчательно разнообразенъ и самый внѣшній тонъ писемъ Фотія — то пламенный и даже рѣзкій, то важный и спокойный, то задушевно простой, нѣжный и умилительный, то тонко-ироническій, то простодушно-шутливый, — тонъ не только въ разныхъ письмахъ, но иногда въ одномъ и томъ же письмѣ нѣсколько разъ мѣняющійся, сообразно съ оттѣнками настроенія писавшаго, и въ особенности сообразно съ положеніемъ, свойствами и духовными нуждами лицъ, къ которымъ писалось, а также съ предметами и цѣлями писанія. Но, при всемъ этомъ разнообразіи, во всѣхъ письмахъ Фотія, — начиная отъ

писемъ къ самымъ важнымъ особамъ, въ которыхъ онъ раскрываетъ высокія истины вѣры, правила нравственности, или даетъ мудрые политическіе совѣты, до самыхъ простыхъ обыденныхъ писемъ въ родѣ напримѣръ того, въ которомъ онъ благодаритъ простаго монаха пустынника (Зосиму) за присылку ему деревенскихъ гостинцевъ—каштановъ и грибовъ,—отражаются однѣ и тѣ же привлекательныя нравственныя черты: не только умъ высокій, тонкій, обогащенный самыми разнообразными свѣдѣніями, часто игривый въ выраженіи, но всегда серьёзный и твердый въ основномъ настроеніи, но и сердце горячее, нѣжное,—характеръ ласковый, любезный и вмѣстѣ съ тѣмъ твердый и прямой,—глубокое благочестіе, непоколебимая при всякихъ случаяхъ преданность волѣ Божіей, горячая ревность о вѣрѣ и церкви, преданность своему долгу и положенію, внимательность къ подчиненнымъ, заботливость о пасомыхъ и т. д. Вообще: въ письмахъ своихъ Фотій является совсѣмъ не такимъ, какимъ старались изображать его давніе злостные враги, и позднѣйшіе предубѣжденные писатели. Какой богатый источникъ для изученія необыкновеннаго по своимъ духовнымъ свойствамъ лица и замѣчательнѣйшаго историческаго дѣятеля! И какъ мало еще и доселѣ этимъ источникомъ пользуются изслѣдователи Фотіевой исторіи, нѣсколько вѣковъ пробавляющіеся главнымъ образомъ жалкими и сомнительными разсказами Митрофановъ, Стиліановъ, Анастасіевъ и Никитъ!

Подобное же нужно сказать и вообще о сочиненіяхъ Фотія. Многочисленность, многосодержательность и чрезвычайное разнообразіе ихъ всегда приводили въ изумленіе изслѣдователей, знакомившихся съ ними, и не смотря на всѣ составившіяся предубѣжденія противъ Фотія невольно привлекали къ нему сочувствіе сколько нибудь безпристрастныхъ цѣнителей. Рѣдкій изъ писателей древнихъ и новыхъ вѣковъ оставилъ послѣ себя столько сочиненій и такихъ разнообразныхъ, какъ Фотій. Между тѣмъ и здѣсь опять нужно сказать, что мы далеко не можемъ пользоваться всѣмъ, что писалъ онъ: иныя изъ его

сочиненій вѣроятно были уничтожены еще при его жизни, другія уцѣлѣли до позднѣйшихъ вѣковъ, но оставлялись неизданными. Не входя здѣсь въ разсмотрѣніе Фотіевыхъ сочиненій по существу, что̀ требуетъ особеннаго и очень большаго труда, касаясь ихъ здѣсь, лишь какъ одного изъ источниковъ для разъясненія исторіи Фотія, мы должны впрочемъ отмѣтить въ нихъ ту общую черту, что внѣшнихъ фактовъ его жизни они касаются немного. Фотій былъ въ высшей степени объективенъ въ своихъ трудахъ,—т.-е. обращая вниманіе въ своихъ сочиненіяхъ исключительно на развитіе предмета по существу, онъ не любилъ примѣшивать къ главному предмету рѣчи сообщеній о себѣ и своихъ личныхъ обстоятельствахъ и отношеніяхъ. Поэтому лишь въ очень немногихъ изъ его сочиненій можно находить прямыя данныя для его біографіи. Но не говоря уже о томъ, что такое объективное отношеніе къ дѣлу само по себѣ представляетъ знаменательную характеристическую черту, совершенно противоположную увѣреніямъ тѣхъ писателей, которые главными мотивами литературной, государственной и церковной дѣятельности Фотія старались представить тщеславіе и славолюбіе, и въ другихъ отношеніяхъ ознакомленіе съ сочиненіями Фотія само по себѣ, независимо отъ намѣреній писателя, должно приводить безпристрастнаго изслѣдователя къ инымъ представленіямъ о личности Фотія, нежели какія внушаются его противниками. Такъ, ознакомившись хотя сколько нибудь съ сочиненіями Фотія, нельзя уже вѣрить такимъ инсинуаціямъ его враговъ, что ученость его имѣла свѣтскій, а не духовно-богословскій характеръ, или что она имѣла еретическое, кощунно-нечестивое направленіе. Мало можно найти въ сочиненіяхъ Фотія прямыхъ опроверженій на другія обвиненія, выставленныя противъ него врагами, напримѣръ на обвиненія въ лжи, раболѣпствѣ, интриганствѣ и тиранствѣ: тѣмъ не менѣе безпристрастный читатель, знакомясь съ возвышенными идеями, стремленіями и интересами, которыми наполнена была духовная жизнь Фотія, и которыя отража-

ются во всѣхъ его произведеніяхъ, едва ли также въ состояніи будетъ вѣрить, чтобы такой человѣкъ способенъ былъ къ низкой лжи, мелкому интриганству и тиранническому насилію. Поэтому то люди, основательно изучавшіе сочиненія Фотія, большею частію проникались сочувствіями и къ его личности, и приходили къ сомнѣніямъ въ справедливости тѣхъ нареканій и клеветъ, которыми загрязнена была память его давними врагами и позднѣйшими противниками.

Вотъ всѣ источники для оцѣнки личности и возстановленія правильной исторіи патріарха Фотія. Какіе выводы можемъ мы извлечь изъ представленнаго обозрѣнія этихъ источниковъ?

Въ виду всего, что̀ доселѣ писано было о Фотіѣ, особенно на западѣ, не только католическими историками, но и протестантскими, а за ними и иными нашими восточными, заимствовавшимися у западныхъ, кажется, не колеблясь съ полною рѣшительностью можно высказать такой выводъ, что пора перестать излагать исторію Фотія такъ, какъ она доселѣ излагалась: т.-е. по тѣмъ источникамъ, какіе доселѣ полагались въ основаніе ея, съ тѣхъ только сторонъ, съ какихъ она доселѣ почти исключительно разсматривалась, въ томъ освѣщеніи, въ какомъ представлялись факты ея у большей части писавшихъ о Фотіѣ.

Нельзя судить о Фотіѣ по показаніямъ его враговъ, явно пристрастныхъ противъ него и имѣвшихъ особенныя побужденія порицать и чернить его, равно и по разъясненіямъ тѣхъ позднѣйшихъ предубѣжденныхъ писателей, которые имѣютъ особенную тенденцію поддерживать въ исторіи сложившееся темное представленіе о Фотіѣ, лишь измѣняя его въ отдѣльныхъ тонахъ, то преувеличивая то ослабляя въ частностяхъ, по соображеніямъ съ особенными практическими цѣлями и настроеніями времени.

Въ основаніе Фотіевой исторіи должно быть положено то, что всего прямѣе и непосредственнѣе отражаетъ его личность и жизнь—т.-е. его собственныя письма и сочиненія. Пусть и не особенно много найдется здѣсь матеріала для разъясненія біографическихъ частностей—внѣшнихъ фактовъ его исторіи: но здѣсь во всякомъ случаѣ откроется главное—нравственный образъ изучаемаго дѣятеля, отъ котораго такъ или иначе должно быть проведено освѣщеніе и на частные факты его жизни.

Высказанное требованіе—очень нелегкое: письма и сочиненія Фотія составляютъ нѣсколько большихъ томовъ; писаны они на трудномъ для пониманія византійско-греческомъ языкѣ, имѣютъ многія особенности въ изложеніи. Разъясненія и комментаріи позднѣйшихъ писателей, въ особенности католическихъ, т.-е. наиболѣе сильныхъ по внѣшней эрудиціи, но пристрастныхъ тенденціозныхъ, не только не облегчатъ работы самостоятельнаго изслѣдователя Фотіевой исторіи, но часто будутъ запутывать и затруднять его. Но все это по возможности нужно преодолѣть, идя твердымъ самостоятельнымъ путемъ, изучая дѣло по первымъ источникамъ и отрѣшаясь отъ тенденціозныхъ и искусственныхъ толкованій. Пользоваться всякими пособіями при изученіи писемъ и сочиненій Фотія, а ихъ великое множество, конечно нужно: но полагаться на нихъ можно лишь со всею осмотрительностью.

Затѣмъ, послѣ изученія собственныхъ писаній Фотія, нужно какъ можно полнѣе разсмотрѣть всѣ отрывочныя извѣстія о положительныхъ сторонахъ дѣятельности Фотія—церковно-административной, миссіонерской, благотворительной и т. д. Это также нелегко, потому что эти извѣстія разсѣяны по разнымъ источникамъ, и положительныя стороны дѣятельности Фотія у писателей, доселѣ писавшихъ его исторію, отодвинуты на задній планъ и сильно затѣнены болѣе извѣстною полемическою стороною его дѣятельности, т.-е. отношеніями его къ римской церкви и къ противоборствовавшей ему константинопольской церковной партіи. Но если мы же-

лаемъ лучше узнать, каковъ былъ Фотій самъ по себѣ и въ своихъ дѣлахъ, а не какимъ представлялся онъ лишь въ отношеніяхъ къ своимъ противникамъ, то необходимо, какъ можно полнѣе, изучить указанныя положительныя стороны его дѣятельности.

Какъ на лучшемъ источникѣ для изученія патріаршей дѣятельности Фотія съ положительной стороны изъ сохранившихся памятниковъ безъ сомнѣнія нужно остановиться внимательнѣе на актахъ константинопольскаго собора 879—880 г. Пусть памятникъ этотъ представляется съ нѣкоторыхъ сторонъ еще не вполнѣ готовымъ для научнаго пользованія; пусть редакціи разныхъ списковъ его еще недостаточно свѣрены между собою; пусть подлинность и неповрежденность нѣкоторыхъ документовъ, относящихся къ нему, представляется пока спорною: все это касается частностей, которыя конечно нужно стараться выяснить сколько возможно точнѣе, но изъ за которыхъ не нужно останавливаться надъ констатированіемъ общей стороны дѣла. За исключеніемъ немногихъ частностей, общій смыслъ памятника во всѣхъ редакціяхъ его остается одинъ и тотъ же, и онъ даетъ замѣчательнѣйшее свидѣтельство какъ о направленіи церковной дѣятельности Фотія, такъ и о великомъ его умѣ, замѣчательномъ административномъ искусствѣ, необыкновенномъ вліяніи на лицъ окружающихъ, даже бывшихъ предубѣжденными противъ него и т. д.

Затѣмъ конечно и всѣхъ другихъ указанныхъ выше источниковъ, какъ они ни незначительны и пристрастны сами по себѣ, игнорировать совсѣмъ нельзя. Но нужно, какъ можно точнѣе, опредѣлить и постоянно имѣть въ виду относительное значеніе и характеръ каждаго памятника, и къ извѣстіямъ выходящимъ отсюда нужно какъ можно тщательнѣе прилагать обычныя требованія научно-исторической критики, т.-е. свѣрять одни извѣстія съ другими, провѣрять показанія менѣе значительныхъ и сомнительныхъ источниковъ по показаніямъ болѣе твердыхъ и значительныхъ, сопоставлять и

по возможности разъяснять представляющіяся противорѣчія, устранять тенденціозныя преувеличенія и пикантности, брать изъ источниковъ только прямые твердые факты, по возможности отрѣшая ихъ отъ фальшивыхъ тенденціозныхъ освѣщеній и объясненій и т. д.

Вотъ путь, по которому—мы думаемъ—должна пойти наука въ разъясненіи вопроса о личности и историческомъ значеніи патріарха Фотія. Намъ кажется, что на этотъ путь уже и склоняется мало по малу она не только у насъ на православномъ востокѣ, но и на западѣ. Но далеко еще историческая наука не утвердилась на этомъ пути и не выработала ясныхъ и опредѣленныхъ результатовъ.

Дѣло это главнымъ образомъ лежитъ на нашей православно-восточной—т.-е. русской и новогреческой наукѣ. И дѣло это, мы думаемъ, вполнѣ стоитъ того, чтобы на него направлены были соединенныя усилія не только отдѣльныхъ личностей, но и цѣлыхъ научныхъ вѣдомствъ и корпорацій.

Вопросъ о Фотіѣ несомнѣнно имѣетъ важное значеніе для всего православнаго міра, не говоря уже объ особенномъ значеніи его для православнаго славянства. Мы доселѣ держимся на принципахъ Фотіевыхъ. На западѣ насъ нерѣдко называютъ Фотіанцами. И намъ незачѣмъ отказываться отъ этого названія; оно имѣетъ основанія не въ томъ конечно смыслѣ, что Фотій создалъ—вновь измыслилъ наши православные принципы, принципы эти были искони принципами церковной жизни, но въ томъ, что Фотій съ особенною твердостью и опредѣленностью заявилъ ихъ въ своей начинавшейся полемикѣ съ латинскими средневѣковыми новшествами.

Правильное разъясненіе исторіи Фотія несомнѣнно имѣетъ значеніе и для всего христіанства. Со временъ Фотія начинается несчастное раздѣленіе между христіанскимъ востокомъ и западомъ, не только не теряющее своей силы, но все бо-

лѣе углубляющееся и развѣтвляющееся до настоящего времени. Христіане разныхъ исповѣданій къ настоящему времени до того разошлись въ разныя стороны и запутались въ своихъ междуцерковныхъ отношеніяхъ, что представляется необходимымъ для всѣхъ воротиться къ началу разрыва, чтобы разъяснить, какая сторона здѣсь была болѣе правая, и какая менѣе, чьи принципы болѣе твердые и чистые, и чьи менѣе.

Мы имѣемъ увѣренность, что съ болѣе серьезнымъ изученіемъ исторіи Фотія людьми безпристрастными все болѣе и болѣе будетъ выясняться значеніе его личности и дѣятельности для всего христіанства. Если, за утратою и истребленіемъ многихъ памятниковъ, останутся все еще не совсѣмъ ясными и спорными нѣкоторыя стороны его личной исторіи: то во всякомъ случаѣ его истинно-православные принципы, его глубокое пониманіе потребностей и состоянія церковной жизни, его необычайная прозорливость, его горячая ревность о твердости и свѣтлости церковнаго зданія—должны получить признаніе у всѣхъ людей просвѣщенныхъ и принимающихъ къ сердцу интересы христіанства. „Да будетъ же, повторимъ слова русскаго ученаго епископа, поставленныя между эпиграфами нашей рѣчи, да будетъ же вѣчная память сему боголюбезнѣйшему святителю, сказавшему между прочимъ первое справедливое слово о Россахъ, и положившему начало обращенію ихъ въ христіанство. Вѣчная память! Αἰωνία ἡ μνήμη“!

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
Общества
Академии Наук СССР

Изъ Рѣчи и Отчета Императорскаго Московскаго Университета 1892.

Москва. Универс. типогр., на Страстн. бульв. **1892 г.**